

с гротом рушится небо на камни. В ужасе никнет трава к земле, падают на колени лошади, ревут верблюды. Вспучивается, наливается чернотой Аргунь».

Альберт Гурулев хотя и написал «Росстань» согласно советской «вере» в рай на земле без Бога, тем не менее, мужественно пишет и правду «того» времени, когда с православием народ еще не распрощался.

«И все видели: верно, знаменье. — Смена власти будет. Конец антихристам. — А можа, белым каюк? — Всякая власть от Бога».

А вот описание того, как разгрузались вчерашние казаки, сегодняшние коммунары, на землях будущего поселения.

«Телеги разгружали. Топоры, пилы, лопаты, ломы сносили в одно место. Теперь все это общее. Продукты несли к балагану. Посуду — тоже к балагану. На своих телегах — Господи, да ведь не свои они теперь — оставили сундушки с барахлом, в каждом из них, в самом низу, завернутые в чистые тряпки, лежали иконы».

Мало того, в разных эпизодах живописно прописаны и крестьянские суеверия (особенно в сцене-панораме девичьей ворожбы на жениха), — суеверия от коих не отбились «красной звездой» даже рьяные большевики, выходы из казачества. К духам земли обращается и Сергей Георгиевич, большевик и коммунарский верховод:

«— Хозяин, — говорил он крутым сопкам, небу, траве, — разреши мне жить здесь, всем нашим людям, животине нашей. Прими нас под свою защиту».

Три друга — три начала русской души — верховными героями проходят сквозь роман: Лучка — христоропавная и человеколюбивая душа, стигущая в дьявольской смуте; Федька — лихой казак, в душе коего люто бранятся добро и зло; а между ними Сиверко — крестьянская душа, выдающая земное спасение в общинном и домостроительном труде на родимой хлебоборной ниве.

Роман «Росстань», как и талантливые советские произведения той поры, не превращается в красивый плакат благодаря тому, что писатель с родовым любовным знанием живописует и мирный казачье-крестьянский мир.

«Хорошо Николаю Крюкову в отцовском доме. Тепло душе. Привычно, спокойно. Словно вернулся в раннюю свою юность. За окном леденет ветер, за окном бескрайние, промерзшие до знона степи, а в доме жарко, топится большая русская печь, тоненько поет желтый самовар, шурит сонные глаза кот Тимоха. Белые занавески на окнах, герани в глиняных горшках, широкие, поскрипывающие половицы».

Роман завершается светло, с верой в то, что оттремели военные грозы, и в мире воцарил душевспасительный крестьянский труд на земле отчий и дедичей, лишь едким осадком останется в памяти бывшее братоубийство: «Чуть ли не четыре года грохотала революция по Забайкалью. Чуть ли не четыре года носил ветер по степи запахи пороха, крови, пота. Жирели вороны, множились волчьи стаи. Горела степь, горели дома». Но... «отрохочет гроза. Радостно и тревожно оглядывается вокруг себя человек: все ли живы, все ли видит, как хорошо на земле. А в сердце у человека еще не прошла гроза. Гулко бьется сердце, вспоминая, как пахло порохом и кровью. Эй, все ли живы?».

Полная версия — на сайте denlitera.ru

В моих руках новая книга стихов Виктора Кирюшина «Родное». Вот она — новорожденная книга, в которой отобраны лучшие стихи разных лет, и новые, написанные в последние годы. По ней можно проследить судьбу самого поэта, его мироощущение, творческий и жизненный опыт, размышления о ценностях бытия. Нет, не переоценка — духовные, этические, моральные ценности остаются теми же. Остаётся свежесть поэтического взгляда на мир. Но приходит мудрость, переосмысление, обновление.

Нина СТРУЧКОВА «Всё в душе отзовется...»

О книге стихов Виктора Кирюшина «Родное»

Так ведь и жизнь Виктора Кирюшина в последние годы значительно изменилась. Редакторская, издательская деятельность позади. Но пришло время активно поехать по огромной стране, выступать со своими стихами, проводить семинары для молодых литераторов. А ещё — пройти по Северному морскому пути, проверить свои силы и возможности, когда с вертолёта — на палубу, с трапа — на встречу с полярниками и учёными, с членами экипажа. А ещё — поездки на Донбасс, в ЛНР, в зону СВО, к солдатам в окопы. И если о Севере стихов пока нет (уверена, что они будут!), то поездки на войну уже оставили свой след в новой книге. Пронзительные, полные драматизма строки никого не могут оставить равнодушными. Как же умеет Кирюшин не просто показать событие, картинку, но выделить такие неоднозначные, острые, эмоциональные моменты, которые и от читателя требуют оценки и выбора:

Молча уходом ласком предрассветным. Где, за каким затаился кустом Брат мой и враг мой С таким же заветным, Мамой надевшим нательным крестом? Я поражаюсь тому, как чутко поэтический слух поэта. А он, как будто в ответ, поправляет: «...сердце стократно надёжнее уха».

Я дивлюсь тому, как свободно и бесстрашно он ставит рядом великое космическое и малое земное:

Вселенная без края и конца Вселяла б ужас до последней клетки, Когда б не трепыхался у лица Листок зелёный

с муравьём на ветке. Или сам удивляется тому, что — Загадочнее сотворения мира Грядущее возникновение дня. Поэт утверждает, что «...лишь сочувствие — искусство, /Всё остальное — ремесло, он может пожалеть не только травинку, январский снег, но и — далёкую, бесстрастную, равнодушную звезду: «Мне жаль её, холодную, чужую, /Как самое родное только жаль».

И всё же — почему книга называется «Родное»? Ответ читатель найдёт, когда прочтает её. Это не только пронзительные стихи о

бабушке: «Но одно припомню на краю: /Маленький, в пустом и гулком храме / С бабушкой-заступницей стою», но и обо всех русских кормилицах-старухах: «Им нет цены! / Им нет цены!», о маминих геранях: «Так вот он, рай, /Не за горами, /И лучше сыщется навряд, /Покуда мамыны гераны /На подоконниках горят», о родительском доме: «Гудит-дымит за стеной /Одна из долей зим... /Как разотчётётся жизнь со мной, /Уже известно им». Родное — не просто главное, но генетически главное, корневое, кодовое,

есть в этой книге в мудрые строки-афоризмы, которые сами ложатся на память. Их много, таких глубоких, выстраданных строк, приведу только некоторые:

А опыт? Он, конечно, кладез Сокровищ сердца и ума. Бери и пользуйся, не трагся, Но как-то стыдно задарма. Ещё: «И пока любовь всего ценней, /Век-обманка, я тебя сильней!». Или: «России всё

дано на вырост: /Земля, история, судьба». Работая в традиции русской классической поэзии, при том лучшим, что взято автором от старших товарищей — поэтов и учителей, ему удаётся оставаться ни на кого не похожим. Быть остро современным и в то же время хранителем — культуры, чистоты языка, его богатства. Поразительно отношение Виктора Кирюшина к художественному слову — бережное, тонкое, благородное, целомудренное!

Иногда встречаются строки, в которых есть налёте на похожие мысли или определения у других авторов, высказанные ими ранее. Это не заимствование, а переключки, как у Пушкина и его поэтического окружения. Или продолжение. Или напоминание. Говорит он своими стихами для всех, кто хочет слышать. Но переключается только с близкими по духу, по отношению к жизни, по философскому восприятию её проявлений. У поэта и философа Григория Сквороды есть высказывание: «Мир ловил меня, но не поймал». У Кирюшина:

...Спасибо, что был я на свете. На свете, который меня не поймал В свои золотистые сети.

Мир меняется, и не всегда в лучшую сторону. Но даже в таком переменившемся, а порой и драматичном мире поэту важно не поддаться искушениям «золотистых сетей», остаться верным себе, своим убеждениям и принципам, всему тому, что для него важно и дорого в жизни.

В продолжение и объяснение этих строк хочется сказать — у поэта Виктора Кирюшина есть Тайна. Хотя все его стихи разбираи по косточкам, останется то, что мы ещё и не прочтали по-настоящему. Да и он сам чувствует это: «Так и не был я узан /Никогда и нигде». Возможно, он ещё и не нашёл слова, которые могли бы выразить всё, что чувствует его пронзительный ум, ощущает его чуткое поэтиче-

Эти картины могут быть и неожиданно трагичными: «Под нескончаемый жалостно-бабий /Русской метели космический вой». Или, наоборот, полны веры и надежды: «Как просто на свете отчаяться! /Но светлой надежде внемли — /Тока обдуванчик качается /На тёплой ладони земли».

В стихах Кирюшина живёт молодая энергия:

Но дождь пройдёт, и капли на ветле Горят, как бус серебряная нитка. И весело на сорванной петле Качается скрипучая калитка.

Но и жизненный опыт, «сын ошибок трудных», по выражению Пушкина, переплавля-

ским оглядом на поколенчески близкого Юрия Кузнецова, у которого этих дышащих и отверзающихся пучин — ногу некуда поставить...

Плыть и плыть над ликующей бездной.

Звёзды плещут, миага во мале. Неужели была бесполозой Жизнь моя на цветущей земле? Я ещё не устал улыбаться, Знаю радость и горькую страсть. Может, выше уже не подняться, Но и ниже уже не упасть.

Плыть и плыть над ликующей бездной.

Ожидать, когда вспыхнет гроза, И смотреть, как по грани отнесной Тихо катится Божья слеза...

А ещё — Поззия. К ней мы перестали обращаться по имени, решив, скорее всего, что она у нас в приживалках и во всём нам по гроб жизни обязана, а стало быть, нечего с ней церемониться, достаточно держать в чёрном теле. Это ведь только Николай Рубцов одёргивал нас с мальчишеской настойчивостью и прямотой: «И не она от нас зависит, / А мы зависим от неё...», а мы-то сами никакой зависимости своей, кажется, не замечаем, а вот поэзию норовим затянуть к себе в кабалу и пользоваться по своему хотению. И тем более удивительно, какую разящую нетипичность для нашего времени и, можно сказать, прекрасную единственность в отношении к поэтической стезе находим мы в книге Василия Козлова:

Я бы мог в этой жизни прожить без тебя

И надёжней, и проще. Так легки и прозрачны в конце октября

Облетевшие рощи. Уходя от тебя, я всё шёл за тобой По лесам и болотам.

Ты как свет возникла за каждой сосной, За любым поворотом...

Без преувеличения, Василий Козлов сохраняет последние образцы храмовой поэзии, священного почитания своего писательского ремесла и Слова как такового. Именно Слова, с большой буквы. О нём — наравне с Небом и Землёй, Жизнью и Смертью, Бездной и ещё несколькими сокровенными понятиями — автор размышляет чаще всего. Но, как у любого настоящего служителя муз, Слово у Василия Козлова глубже всего раскрывается и познаётся не в пылтивных попытках обретения его посредством карандаша и бумаги, а будучи молвленными устами любимой женщины. И в этом тоже высокая предначертанность судьбы поэта, его семейное наследие, которое он не разбавил надоедлыми перепадами классицизма, а наоборот, в этой призраки к устоям отеческой литературы по-своему преумножил и узаконил уже в наши дни.

У Слова не только основа — Душа молчаливая есть. И, кроме огня звукового, Тончайших оттенков не сместь. Входи надо мною и властвуй! Я радостным ухом ловлю И это рассветное: — Здравствуй! И это ночное: — Люблю!

«Радостная земля», «любимое небо», «радостная весть»... Радости, состраданности и печальной любви сразу и к небу, и к земле, и ко всему тому земному, с чем в свой срок придётся расстаться, — вот ещё чего с избытком в стихах Василия Козлова, вот ещё чем полнится его словарь. Но радость поэта по известным причинам драматична, ибо уже прошла сита тоски и кручины и возвратилась к нам с памятью о том, что и живётся на зыбком порубежье света и мглы, земли и вечного неба, и ничтоём не угадать, в какую сторону в следующий миг качнётся твоя маятник.

Когда душа оставит тело, А тело выльется в земле, Жизнь без начала и предела Пойдёт по новой коле.

Для новой жизни жизнь очнётся, И не поймаешь, была ли мела Меж той, которая начнётся, И той, которая была.

Говоря о поэзии Василия Козлова, о её словаре и способах внутреннего устройства, нельзя не отметить высоту и глубину его поэтического искусства, свойственную стихам из книги «Гонимый круг». Я имею в виду гражданский стиль звучания целого ряда произведений поэта. Он, этот стиль, тоже по-своему достоин охранной грамоты, признаки его вымирания настолько очевидны в текущей сповесности, что вряд ли кто станет это отрицать. Появление книги Василия Козлова воспринимается как нельзя кстати, словно бы она, книга, самим фактом своего присутствия, каждой страницей своей твердит нам в назидание: писать так не только можно, но и должно, и что, вообще, как уверял классик, «дело прочно, когда под ним струится кровь».

Великий и сильный народ, Над миром паривший, как птица, Уж никуда не идёт, Уж никуда не стремится... Россия, родная, гори! Пусть рухнет твой мирозданье! Народ мой, восстань и умри! А лучше умри без восстания. Не будешь ни новой земли, Ни нового ясного неба, Пока только хлеба и хлеба

На паперти просишь в пыли... Гражданственность Василия Козлова (не столько, может быть, некраковская, сколько куяневская) изрядно сдобрена нормальным историческим пессимизмом. Тут-то бы и раздуется плечу, размахнуться перу и со всем на то основанием плеснуть чёрной краски в стих, тем более что российская повседневность во все века беспечно уязвима для наших дритюков и ядовитых стрел и почие самой изошрённой фантазии даёт повод для всяческого осмеяния и порицания. Но не тем окормляется сочинитель Василий Козлов.

ское сердце: «О, свободные птицы и звери, / Научите меня воерить!».

А может быть, он и не хочет открывать даже для себя эту тайну:

Что толку в раскладе учёном, Ведь истина наверху, В невнятной, ненаречённой, Непонятом нам пока. Как некая дивная птица. Внезапно мелькнёт у лица... И манит она, и таится, И гибнет в руках у лоща.

Неожиданным подарком в книге оказался Поэтический календарь русской природы для детей. Как непосредственно, чисто, свежо звучат эти стихи! Ребёнок может вглядываться в окружающий мир, наблюдать, познавать, получать представление о красоте и милосердии, о помощи и спасении. Да, стихи для детей, но и взрослого, искусственного человека порадуот, как, например, каждый год радует первый снег. Или вернут его в детство, где нет ещё ничего опасного, страшного, трагичного, а есть только восторг узнавания, удивления, первых открытий. Этот раздел называется «Живые часы». Я не буду цитировать эти стихи, потому что каждое из них — это отдельный мир, отдельная картинка, отдельный сюжет. И природа в них живая, тесно, напрямую связанная с восприятием ребёнка.

В книге представлены переводы с грузинского, серболужицкого, казахского. Не зная языка оригинала, не видя подстрочников, трудно судить, насколько точно автор сумел передать дух и содержание стихотворений авторов. Но по тому, что он выбрал для перевода, можно определить принципы его отбора — то, что близко самому переводчику, с чем он согласен, а также то, что интересно, богато и разнообразно в иных национальных культурах — по языку, по краскам, традициям.

И как хорошо, что в завершении книги помещены статьи о поэзии Кирюшина. Авторы такие разные, почерк у всех разный, они как будто обшли и рассмотрели его творчество с разных сторон, каждый в меру своего восприятия, но к выводу пришли одинакового.

Часто цитируют из Достоевского: «Широк человек...». А у Нины Ягодничей в эссе: «...русский человек широк потому, что пространство своего бытия принимает как часть себя самого — и даже не часть, а основу». Меня это объяснение поразило своей точностью. И главным для меня здесь является не слово «широко», а слово «пространство». Вот именно у Кирюшина в стихах это пространство так ощущается! И река, и омут, и лес — они воспринимаются не как привязка к какому-то отдельному месту, а именно как часть великого русского пространства:

Жизнь, как река — внезапна и быстра. А был ли счастлив я на самом деле? Лишь только там, у тихого костра, Среди земли, как будто в колыбели.

В его стихах можно так свободно и глубоко дышать, так остро чувствовать, и печалиться, и наслаждаться. Остаётся держать их в памяти, любить и ждать новых.

ГОРЕЧЬ...»

Андрей АНТИПИН

Я бы жить поселился в деревне, Если б к городу не привик.

Правда, это противостояние, ещё вчера столь болезненное для нашего общества, не получило в творчестве поэта хоть сколько-нибудь внятного развития, поэтому останавливаться на нём нет резона. Тем более что поэзия Василия Козлова — и без того неразрывный узел давнишних русских споров, будь то спор о славянстве, к сему дню иссякший совершенно, или — спор красных с белыми («Красной кровью на белом снегу / Отпечатались наши раздоры...»), новой порослью сочинителей оцениваемый как безнадёжный пережиток, пустая и, боюсь, уже не всегда понятная заваруха даже не отцов, а литературных дедов. И, конечно, чёрный смог девяностых (а это тоже наш спор, дядильщик и поныне) не мог не осесть дымным пеплом в поэзии Василия Козлова:

И вы смотрели с корабля, Как исцезает за волнами Святая русская земля, Навек оставленная вами...

всегда пригоден в работу. Алексей Решето определил его, словарь, четырьмя пунктами: Земля и Небо, Жизнь и Смерть. Поэт Василий Козлов сполна обходится тем же, лишь на первый взгляд небогатым, лексиконом, и посмотрите, стих его насколько не теряет в полноте от этой кажущейся куцести неизбывных для нашего сердца слов и смыслов:

Ничего мне от жизни не надо, Ничего, кроме жизни самой! Кроме вечного с небом разлада, Кроме вечного сна с землёй...

А ещё в словаре Козлова есть Бездна. Это у него, вполне вероятно, не от Пушкина, а сразу от Державина, с брат-

чёркивает глубину проникновения поэты в суть вещей: *Это кто этот мир, этот сад преподносит как чёрный квадрат — дырку в арбуш бездушной рогожке, уверяя: никто не воскрес! Нет ни алза, ни ушей у небес. Ничего у них нет. Ничего же!* Яркое развешаются строки Николая Перяеслова: слово и слова, составившие строки, приобретают особый — в меру индивидуальности — цвет: *Смята мракот сугробов перина, волчи свадьбы вершатся в бору. Мир затих. Только имя Марина бьётся птицей на чёрном ветру.* Разнообразно строится поэтический пантеон Виктора Петрова: есть жёсткие созвучия, продиктованные реальностью, пропущенной сквозь фильтры дара, есть — наполненные нежностью, а иные — совмещают и то

и другое, точнее раскрывая сущность действительности: *А я голубы!.. Не жаворонок, не сова: Стать ложусь — как ложусь, и встаю — как встаю. Караулят меня вертухай-слова, Чтобы всё позабыл, даже любовь твою. Мне куда от них?! Только и сам не уйду...*

Отбываю тюремный пожизненный срок: Радость радует, или бедую беду — Вижу неба ключок за решёткою строк.

Патриарх современной поэзии Юрий Рышенцев верен себе — и необычностью острого звука, и точностью представляемых словесно картин, и — своеобразной радугой эмоций, разлитой в недрах стихов: *Травы августы были густыми. И август по воле усныни пробивались к прохладе речной. И стасливое пенне речки в запотом среднерусском колечке отменяло еглетский зной.* Волно, как Волга, поэтическое дыхание Валентина Сорокина:

В поздний час я молчалив и светел, Звёздных дум никто не запретит. По равнине белой белый ветер, Белый ветер стонет и летит. Замело селения до крыши, И такой клубится непокой, Слово Бог не давно

*глянуть вышел, И вздохнул, и вдруг махнул рукой!.. Двойственность, амбивалентность всего, представляемого миром, ярко-гранёными строчками показывая и подчёркивая Евгений Степанов, чья литые формулы строк всегда просвечены красотой и мудростью: *Эта грань, точно краска, размыта. И боает онода нищеброд. А в герое — замашки бандита. А бьветет и наоборот. Нет большого ума в укоризне. Я ругаться давно перестал. Эта пьянь что-то знает о жизни, Что не знает иной аскавал.* Сладкой земной горечью пенятся строчки Валерия Сухова: *Травю заросла мошила. Я не был больше года здесь. Пусть мать меня за всё простила, Но головой качает лес.**

Красивы и высоки стихи Андрея Шацкого, словно всё в них — отражается в небесных кристаллах, и интервью с поэтом, приуроченное к юбилею, хорошо демонстрирует крупную меру восприятия поэзии, как феномена...

И вспыхивает разноцветно стихи: *Вот и август прошёл, и сентябрь настал, Приближается бабье лето кончина. И в бездонные воды, как в чёрный хрусталь, Замирая, глядится лесная пещина.*

Песни Бориса Шигина своеобразно связаны с тишиной: будто и — рождены его: бескрайне-мудрой: *Ах, этот пьяный воздух грозовой, звенящая до боли тишина: не слышно будет вопля — хоть завои, нечи петь песню — будет не слышна. ...Воздух современной поэзии высок, и сколь бы ни была она не востребована обществом, сколь бы ни существовала в малотираже, всё равно — мощно, энергетично, светозарно облучает она социум, увеличивая его шансы на духовное возрастание; и альманах «День поэзии XXI век, 2022-2023 гг.» доказывает это.*